

ЖУХЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

КАРЕЛЬСКАЯ СКАЗКА

НАДЯ АЛЕНСЕЕВА
Родилась в 1988 году в Подмосновье, живет в Москве. Прозаик, драматург, редактор. Выпускница литературной школы CWS, мастерских Даниэля Орлова, Елены Холмо-

ровой и Николая Ноляды. Публиковалась в сборниках малой прозы «Вечеринка с нарликами», «Пашня», сборнике пьес «Близкие люди» и других. Лауреат международной премии для драматургов «Евразия-2021».

Человек он был жухлый, порезанный морщинами там и сям и до того спокойный, что юный инок однажды видел синицу, выстроившую гнездо на его голове, пока тот кемарил на припеке. Он прошел и забыл войну. Он смотрел на настоящего и не мог понять, когда тот заплешивел и сгорбился. Молчал, провожал и встречал глазами любое шевеление. Глазами здоровался с миром, глазами мог в нем участвовать. Инок уводил его на ночь в келью, а днем высаживал проветриться, как тюфяк. Старик все держал в руке глиняный горшок, а в нем гремели белые клыки. Похоронить его станет кому-то работой (сколотить гроб, выкопать могилу, отслужить чин, крест воткнуть, поминки собрать). А он жил, и в голове его жила история. Страшная, неслышанная.

Ламба в их деревне была неглубокая, до большой Ладоги идти надо было от зари до тех пор, пока солнце прямо не станет. Это если пешком, ногой Суло, а если оленей запрячь, то мигом будешь на месте. Хильма, мать Суло, его не пускала на Ладогу: «В своем краю и вода слаще, нечего там тебе делать!» Отец с недавних пор все ходил к шаману, просил того три раза бить в бубен, отогнать западных духов. Да видно, шаман потерял свой колдовской зуб и теперь, бей в бубен или не бей, придется деревне западного бога почитать.

Западные люди пришли в железе, с копьями. Копали, копали яму, рубили лес, строили дом для своего бога. На крыше бревнышки подогнали крест-накрест, так, как Суло сгибал пальцы, пока клялся матери, что рыбу сам съел, а не коту скормил. Отец с другими мужчинами пас оленей на дальнем пастбище, когда в окно постучался лысый Пастор. Так он себя назвал – Пастор, а с ним еще двое с копьями. Подняла Хильма Суло с постели, натянула на него портки и рубаху, повязала себе шитый красным передник от сглаза. Вышли. У дома с крестом вся деревня собралась: дед Сохрой, соседи, красавица Окку, зареванная и без передника, ее утешала тетя Сиркка. Дядька Ййбу прямо с недоструганной лодкой-куйти пришел в обнимку. Суло так и вцепился в нее глазами – маленькая, точь-в-точь под него. Дошанку для большой воды отец обещал, когда Суло сам достанет горшок с верхней полки. Засыпая, Суло просил Туони дать ему этот проклятый горшок в руки.

Гыкнув и махнув мечом, железный человек загнал всех в дом бога. Там лысый Пастор брызгал всех водой, показывал на рисунок на доске: красивый большеглазый парень, едва живой, болтался на скрещенных бревнах. Суло кинулся было освободить парня или хоть рубахой укрыть – майские дни самые коварные, только снимешь

оленью шапку, как снег пойдет. Хильма удержала его за ворот рубашки и все приговаривала: «Мокрый сырости не боится, мокрый сырости не боится», а Окку шепнула: «Видать, это их бог и есть. На рыбу похож, да?» Пастор велел всем стоять на коленях, пока ленивый луч не протянулся от двери до раздетого бога. Пастор все читал и читал из свитка.

Ну а дальше разошлись по домам, правда, хлеб пришлось отдать железным людям, а шаман всю ночь бил в бубен и отправил кукушку в соседнюю деревню. Кукушка вернулась, сказала: «Там все давно крещеные». Улетела прочь. Шаман все выл, и ключьями летели седые шаманские волосы над кривыми карельскими березами – Суло подумал даже, что он хочет стать как Пастор. Но тот упал с пеной изо рта и еще затемно ушел к духам.

Рассвета еще не было, синица не пискнула, как вернулся отец: взять хлеба пастухам, повидать свою Хильму и Суло, и – не узнал деревню. Хильма рассказала, как к духам вместе с шаманом ушел этой ночью и дядька Ийбу, а один из западных людей поселился в доме Окко, будто муж. К другой хозяйке заходил на рыбный пирог сам Пастор, деда Сохроя не побоялся.

Через задний двор пришлось бежать отцу назад пустым – собирать пастухов да рыбаков, держать совет про западного бога и про железных людей. Их отряд остался охранять деревню – большие шатры поставили, вырубили осинник, хорошо хоть, куйти дядька успел выстругать для Суло, прежде чем увидел предков. Суло хотел грести по большой воде за отцом вслед, да мать опять не пустила: «Мал еще! Вон горшок как высоко! Поди-ка достань» – и отправилась доить их олениху, Уму. Надоив, ранила бок Уме: «Прости, я возьму больше, чем вчера, нам нужны силы», – напоила молоком с кровью Суло, сама допила, что осталось. Суло видел, как равные слезы вытекли, ушли в землю: со смуглой щеки Хильмы и с мохнатой, рыжей – Умы.

Отец и рыбаки все не возвращались. Суло чуть с дерева не упал, вытягивая шею, глядя за ламбы на большую землю и в другой край – на большую воду. И разглядел. По большой воде, серой, вроде как пыльной от тумана, плыли лодки, до того могучие – хоть оленье стадо на них вези. Потом чуть затряслась земля, они, видать, шли в ногу. Потом и сухое дерево загорелось – это войско несло огонь. Они били железных, на высоких их палках колыхалась нарисованная голова того же бога. Суло вспомнил, как говорил шаман: «Как

сцепятся шаманы – добра не жди. Бегите к Туони. Меня не будет. Бегите без меня!»

– Суло! Суло! Слезай!

– А отец? Пастухи вернуться, как нас найдут?

– Бежим! Не то выпорю оленьей вожжой!

Хильма стояла под деревом, и другие женщины возле нее. На них не было передников – непорядок. Их дети, даже те, что достают до горшков на полках, ревели. И Микко, лучший рыбак в округе, утирал нос. От них пахло кисло – страхом.

Когда Суло бежал с остальными к большой Ладоге, Микко крикнул ему: «Окку ушла к предкам! Не знаю, к своим или к западным! – Не договарив, он получил затрещину от Сиркки, плюнул на землю, указал пальцем на Суло. – А тебя! Тебя съест Туони». «Хильма», – тихо сказала обычно визгливая Сиркки. Хильма схватила Суло на руки, и захрустел под ее пексами хворост, ветер сдул челку с горячего лба Суло.

Под луной вышли к воде. Она лизала черные гладкие камни. «Эх, – подумал Суло. – Надо бы куйти свою прихватить и поплыть. Пожалуй, и Хильму выдержит, мы мало ели в последние месяцы». Но тут Хильма, отдышавшись, снова взяла на руки Суло, вошла в воду. Остальные взяли своих детей на руки, погрузились по грудь. Кому кукушка не накуковала детей – взяли чужих. Запахло тиной и рыбой, вокруг них закрутилась робкая волна. И вдруг всё, что над водой, обернулось туманом: ни рубашек, ни шапок, ни носов, ни ушей. Суло протянул руку – Сиркки взвизгнула! «Тихо сиди», – сказала Хильма. Суло почувствовал, как ниже пояса одновременно и стыло, и грело, вскинул ногу – взлетел рыбий хвост из воды. «Суло, сиди ты смирно!» Тут Суло не выдержал – зажурился, нырнул. От ледяной воды загорелась голова, но под водой он увидел одни рыбы хвосты, толстые, как у русалок-никси. Черная тень металась между хвостами. Она приняхивалась, как волк, выла колыбельную Хильмы. Суло поплыл было на знакомую песню – хоть он и мечтал о горшке на полке, давно сон его не был сладким, как две весны назад, когда Хильма раскачивала во сне его люльку. Вот уже почти схватил Суло тень за волчий хвост. Плеск! Хильма выдернула его наружу, зажала рот рукой.

На берегу толпились огни. Под ними головы: шлемы и гривы коней. Луна изо всех сил серебрила туман, и сколько люди с берега ни глядели в воду, ничего не увидели. Сиркки подплыла к Хильме, шепнула: «Туони нас спас, ты же видишь». Хильма молчала, Суло вдруг очень захотелось увидеть

лицо матери. «Его дочери добрые, ты же знаешь». Суло почувствовал, как Сиркки, сказав это, быстро отплыла. Потом стало тихо, будто они все вмерзли в эту воду до весны, как жабы. Огни уже мелькали вверх по склону, но часть еще была на берегу: их кони фыркали и пили воду. Руки Хильмы больно давили на ребра, она прижимала Суло к себе лицом, и туман в том месте становился твердым и горячим. Сквозь него на миг стали видны лица всей деревни – обычно широкие, скуластые, они теперь стекали в воду.

«Бам-бам-бам», – простучало внутри Хильмы, а потом забарабанило зайцем. Она выхватила Суло из воды, подняла его высоко, хвост расщепился надвое, Суло увидел свои ноги в пексах. Хильма посадила его себе на шею. Побежала к берегу, дышала, хрипела. Волосы Хильмы под его пальцами становились короче и гуще, тело раздувалось, превращаясь в покрытую шкурой лежанку. Пахло горьким жиром, на котором они зимой пекли хлеб.

Луна снова вышла из-за набежавшей тучи – князь, стоявший на берегу, начал пятиться к своему коню. На него, скаля зубы, шел медведь с мальчишкой на спине. Стрелы их не брали, огонь шипел, не задевая шкуры, и угасал. Медведь, рыча, подошел вплотную, князь, город которого промышлял торговлей, никогда не ходил на охоту. Колени его подкосились, он упал на камни лбом и причитал: «Спаси и помилуй, спаси и помилуй». Его войско, стоявшее поодаль, без приказа не знало, что и делать. Опасались волков, которые учуют мертвечину в деревне, а тут из воды медведи выходят, да и князь помешался, видать.

Медведь обнюхал князя, лапой поднял ему голову, смотрел в лицо. Долго. Потом спихнул мальчишку с загривка прямо князю в руки. Тяжело ступая, ушел медведь в лес. Пришлось князю брать мальчишку с собой в поход на шведов и дальше назад везти в торговый город и там под большим колоколом объявить его сыном своим, Александром. На местном языке это значило «защитник». Князь позволил мальчику взять с собой куйти и достал ему горшок с верхней полки, а медведя искать побоялся. Объяснил мальчишке на пальцах.

Суло сам видел, что деревню его оставили в покое. Вбили крест каменный, не без этого. Но разрешили и шамана нового позвать, и почитать молодого бога вместе с Туони. Отца, почерневшего от горя, князь не тронул, но и Суло к нему не пустил. А когда отец ушел к предкам, гроб отдали Туони. Не то что с новым богом, даже с огнем не

стали делиться. Непорядок. За что и убило громом Микко. Суло было жалко его лодку.

В палатах горшок стоял на верхней полке. Когда Суло наконец вытянулся, ему достался целый флот. Когда оброс густой светлой бородой и князь, названный его отец, ушел к предкам, западные люди пришли снова. Добрались едва ли не до колокола. Но зимняя твердая вода треснула под их войском – Туони прибрал всех вместе с железом. Суло было жалко коней. Не олени, но славные звери. Вскоре Суло увидел свое лицо рядом с молодым богом. Оно вытянулось, глаза будто утекали в воду.

Медведя он давно убил на охоте. Тот или нет – Суло не знал. Окажись он рядом с тем молодым богом взаправду, просил бы его, чтобы не мучилась Хильма. Одним ударом надо, наповал. Чтобы кукушка не успела крикнуть. Тушу, не сдирая шкуры, сжечь. Не по обычаю, но рука не поднялась. А белые клыки, которые не сгорели, Суло отыскал с рассветом на пепелище, отер, положил в горшок.

Старик подобрал слюну, вытекшую в дреме, встал с лавки, затрусил к воде. «Куда собрался?» – визгнул инок, точь-в-точь Сиркки. Он не оглядывался, топал колченогим маршем, су-ло, су-ло – стучали о дно горшка клыки. Поля тут травами затягивает уже в мае, не пролезть: не ромашка – сплошная паутина. Старик перешагнул, споткнулся, скатился к воде, стукнувшись лбом о камни. Горшок разбился, клыки и набившийся за годы мусор поплыли по воде. Старик подтянулся на руках, хлебнул воды, закрыл глаза. Ждал, когда приберет его Туони. Хильма всегда говорила: «Чем с краю в раю, лучше в аду посерединке».

